

УДК 430.1(470)

**НОВАЯ КНИГА О ДУХОВНОМ ОТЦЕ
РАДИКАЛЬНОЙ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
(Рец. на кн.: Блохин В. В. Жандарм литературной республики.
Н. К. Михайловский : жизнь, литература, политическая борьба /
В. В. Блохин. – М. : Весь мир, 2019. – 256 с.)**

Г. Н. Мокшин*Воронежский государственный университет*

Поступила в редакцию 8 февраля 2021 г.

О Николае Константиновиче Михайловском (1842–1904) – одном из главных творцов и выразителей самосознания пореформенной русской интеллигенции – написано немало книг и статей. Масштаб личности выдающего русского мыслителя, тот неопределимый вклад, который он внес в обоснование и популяризацию идеалов русского народничества, всегда привлекали к нему внимание исследователей. Правда, до недавнего времени среди них преобладали литературоведы, философы и социологи. Современные историки, имея перед собой монографии Е. Е. Колосова (1917), Б. И. Горева (1931), В. П. Макарова (1972), Э. С. Виленской (1979), не писали о Михайловском обобщающих трудов. А между тем, как свидетельствует новая книга одного из флагманов современного михайловского движения В. В. Блохина, политическая биография этого «властителя дум» радикальной молодежи полна белых пятен. Да и оценки его литературно-общественной деятельности нуждаются в переосмыслении.

Действительно, многие народниковеды по-прежнему считают Михайловского самой важной фигурой в русском народничестве последней трети XIX в., создателем чуть ли не лучшей для своего времени теории социального действия и, между прочим, главным хранителем заветов народнического направления. Блохин в корне не согласен с таким подходом, по сути, превратившим Михайловского в «икону» народничества (этакий критерий или образец правильного его понимания) и уже много лет пытается переломить традицию канонизации идейного наследия народника.

Стремясь к воссозданию реального облика Михайловского, Блохин, пожалуй, впервые в отечественной историографии сделал акцент не на сильных его

сторонах, как мыслителя и общественного деятеля, а на ошибках и заблуждениях, а также личных слабостях, непростительных для человека, претендующего на роль великого русского просветителя и гуманиста. Отсюда такое внимание автора к критическим отзывам о Михайловском со стороны современников, особенно его оппонентов из либерального и консервативного лагеря.

Книга состоит из введения с краткой характеристикой темы исследования, двадцати двух очерков, разбитых на четыре главы по проблемно-хронологическому принципу, и «Заметок на полях».

В первой главе («Шестидесятые годы») изучается процесс формирования мировоззрения Михайловского как человека «антисистемы», психологически отвергающего существующие порядки; как и почему он становится «кающимся дворянином», проникается умственной атмосферой «отщепенцев» – нарождающейся разночинной интеллигенции – и постепенно превращается в одного из главных тогдашних идейных оппозиционеров, творца новой теории социального прогресса. Разумеется, истоки духовного роста Михайловского автор находит не только в пресловутом «духе перемен», но и в его приобщении к демократической журналистике – самой значимой общественной силе 1860-х гг.

Идейно-политическая деятельность Михайловского – ведущего литературного критика и публициста «Отечественных записок» – рассматривается в главе «В бурные семидесятые годы». Блохин убедительно доказывает, что Михайловский не был революционным народником, так как не верил в способность «бунтарей» и «пропагандистов» поднять народ на революцию и долгое время надеялся на продолжение реформ. Однако в конце 1870-х гг. он осознает утопичность своих надежд и «первым» из народников соединяет идею социализма и политическую борьбу как средство ее достижения. Следуя еще

дореволюционной традиции, Блохин называет это новое народничество Михайловского «*критическим*» (якобы неидеализирующим народ, как народники-ортодоксы) (с. 108). Та же метаморфоза привела легального народника к сближению с народо-вольцами.

В исторической литературе вопрос о том, был ли Михайловский идеологом «Народной воли», дискутировался на протяжении всего XX в. Блохин, подробно проанализировав мнения своих предшественников, включая бывших народо-вольцев, дает на него отрицательный ответ. Да, Михайловский поддерживал борьбу народо-вольцев с самодержавием, надеясь, что они смогут добиться расширения политических прав и свобод и, несомненно, помог им преодолеть остатки аполитизма. Но он не был членом революционной партии и не мог направлять ее практическую деятельность. Поэтому Блохин отводит Михайловскому более скромную роль популяризатора и адвоката «Народной воли» и ее методов политической борьбы, включая терроризм и убийство Александра II (с. 126).

Третья глава называется «"Эпоха безвременья": восьмидесятые годы». Она посвящена самому мрачному периоду в жизни Михайловского. Разгром «Народной воли», закрытие «Отечественных записок», идейный кризис радикальной русской интеллигенции – все это, по мнению Блохина, не могло не отразиться на положении писателя. Автор, конечно, сочувствует своему герою, внезапно лишившемуся собственной литературной трибуны и привычного окружения. Он признает право Михайловского на отстаивание своих идейных позиций. Очень трогательно описываются в книге неурядицы его семейной жизни. В то же время Блохин резко критикует «апостола истины и справедливости» (так называют Михайловского некоторые современные исследователи) за приверженность сложившимся идейным догмам, тотальное следование одному принципу, одному мировоззрению. В конечном итоге именно борьба этого убежденного противника «разногласицы» за чистоту народнического направления помешала его консолидации вокруг насущных общественных задач, продиктованных не идеологией, а реальными потребностями русской жизни. Сам же мыслитель из глашатая свободы уже к середине 1880-х гг. превратился в какого-то литературного «самодержца», а еще точнее в непреклонного «жандарма литературной республики» (по выражению А. Л. Волынского) (с. 206).

И еще одна глава – «Накануне XX века» – повествует об общественной деятельности Михайловского в 1890-е гг. и в преддверии первой русской революции. Как известно, новое царствование ознаменовалось пробуждением политической активности об-

щества. И здесь «старый боец» вновь оказался «на коне». По свидетельству автора, Михайловский, вооружившись лозунгом «конституция – прежде всего!», не только не утратил влияния на радикальную молодежь, но и выступил в роли демократического лидера тогдашней оппозиции: и народнической, и либеральной. Правда, для этого Михайловскому все-таки пришлось подкорректировать свою позицию, ибо теперь его демократизм, говоря словами Блохина, был лишен «социалистического колорита» (с. 233). Автор не называет Михайловского «либеральным» народником, как в своих прежних работах, но отмечает его «заметный дрейф» в сторону либерализма, так как союз народников-социалистов и либералов облегчал их совместную борьбу за демократизацию общественной системы.

В последней главе исследователь вновь обращается к теме «Михайловский и революция», как ключевой для понимания особенностей его народнического мирозерцания. Блохин приводит известную цитату из воспоминаний В. Н. Чернова о том, что Михайловский верил в неизбежность в России революционного взрыва (и даже не одного), но опасался его перерастания в обычные крестьянские бунты: «Я в революцию, в смысле всенародного восстания, не верю», ибо «бунтует не народ, а толпа» (с. 229). Отсюда его новая стратегия преобразований страны. Сначала следовало осуществить политический переворот, «для народа, но без народа» (силами радикальной интеллигенции), освободив его от ужасов деспотизма, и только потом переходить к социальной революции. «Демократизм впереди социализма!» – восклицает Блохин (с. 231). Вполне разумная стратегия преобразований, усвоенная впоследствии неонародниками. Но наш автор решил взглянуть на эту проблему с неожиданной для михайловскооведа стороны. Если народные массы поддерживают существующий общественный строй, т. е. еще не готовы к его все-сторонней демократизации, вправе ли «передовая» интеллигенция навязывать им свою волю? Автор считает, что нет, и обвиняет Михайловского в отрыве от народа и его интересов (ниже будет ясно, почему).

Завершают книгу «Заметки на полях». В них автор задается вопросом, составляющим квинтэссенцию его исследования: а что собственно хорошего сделал Михайловский для России? Блохин честно признается, что за время работы над книгой глубоко сроднился со своим «персонажем». (От себя заметим, что Михайловским исследователь занимается около 30 лет, посвятив ему две диссертации.) И тем не менее выносит одному из духовных отцов русской интеллигенции суровый приговор, признав его личную ответственность за «великую катастрофу 1917 г.». Чтобы не утрировать позицию автора, приведем его размышления дословно. «Да, – пишет Блохин, – Ми-

хайловский внес свою лепту в разрушительную работу интеллигенции, видевшей в своей стране ядовитое чужеродное растение. Он фактически воспитал несколько поколений молодежи, для которых Россия, Родина уже перестала быть святыней. В этом страшный, разрушительный смысл деятельности Михайловского. Он, конечно же, был *пророком революции, ее творцом и деятелем* (курсив наш. – Г. М.). Парадокс истории в том, что, стремясь “снять народ с креста”, заявляя о себе как о защитнике народа, интеллигенция возводила его на созданную ею же Голгофу. Можно много рассуждать об очистительной роли революционной стихии, но насилие остается насилием, а деструктивность революции – историческим фактом» (с. 248).

Спорить с автором об ответственности русской интеллигенции и ее вождей за судьбы страны мы не будем. Без анализа позиций всех участников национальной трагедии это не самое продуктивное занятие. Нас в данном случае интересует, как негативное отношение автора к главным «двигателям инакомыслия» повлияло на его концепцию политической и интеллектуальной биографии Михайловского.

Исходный посыл исследователя нам уже понятен: народничество Михайловского защищало позиции маргинальной русской интеллигенции. Автор достаточно подробно анализирует особенности этой парадигмы интеллигентского мышления и в конечном итоге приходит к выводу о ее опасности для народа (с. 23). (Правда, в книге речь идет только о «западнической» версии народничества, которую представлял Михайловский.) В данном случае автор развивает известный тезис дореволюционной историографии о противоположности «народнического» и «национального» сознания [1; 2]. Пример «правильного» отношения к народу, т. е. уважительного отношения к его праву на сохранение национальных традиций и уклада жизни, Блохин находит у Ф. М. Достоевского, И. С. Аксакова, К. Н. Леонтьева и других воинствующих славянофилов.

Важной заслугой автора является постановка вопроса об общем направлении эволюции взглядов Михайловского после 1881 г., когда очень многие народники «поправились». Блохин отмечает дальнейшую его политическую радикализацию (особенно после голода 1891/92 г.) и справедливо связывает ее

с ростом «исторического нетерпения» молодой русской интеллигенции. А иначе Михайловский не стал бы в ее глазах соединительным звеном между «старым» и «новым» народничеством.

Есть у рецензируемой книги и еще одна примечательная особенность. Это трактовка Михайловского как фигуры *трагической* и достойной сострадания. Он не имел счастья в личной жизни; как человек самодостаточный, вел довольно замкнутый образ жизни (автор объясняет это неким «психологическим индивидуализмом» Михайловского), а в своей литературно-общественной деятельности был скован узкими рамками народнической идеологии, что его сильно тяготило. Но самое главное – дело, за которое боролся наш «ультралиберал», потерпело фиаско, ибо после свержения проклинаемого им самодержавия к власти очень быстро пришли большевики, установившие диктатуру меньшинства над большинством.

Монография В. В. Блохина – это, без сомнения, новое слово в отечественном михайловковедении. Автор действительно воссоздает «живой и нетривиальный» образ одного из лидеров российской интеллигенции, как заявлено в аннотации к книге. Однако нельзя не заметить, что многие суждения исследователя слишком категоричны. Автор как бы находится внутри исторического дискурса, явно принимая сторону идейных противников Михайловского. Особенно этим грешит заключение к работе, звучащее как окончательный приговор всей радикальной русской интеллигенции, без единого слова в ее защиту. В то же время такая позиция автора – это реакция на сложившиеся вокруг личности и творческого наследия Михайловского стереотипы и клише, которые препятствуют дальнейшему изучению темы. Ведь на многие вопросы, поставленные в работе Блохина, до сих пор нет четких и ясных ответов. Поэтому мы воспринимаем данную книгу как приглашение к дискуссиям, которых так не хватает современному народниковедению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихомиров Л. Что делать нашей интеллигенции? / Л. Тихомиров // Русское обозрение. – 1895. – № 10.
2. Бердяев Н. Народническое и национальное сознание / Н. Бердяев // Русская мысль. – 1917. – № 7–8.

Воронежский государственный университет
Мокшин Г. Н., доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
E-mail: mok410@mail.ru

Voronezh State University
Mokshin G. N., Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Russian History Department
E-mail: mok410@mail.ru